

Малежик В.

21.4.92

ЧАС В «ЛЮКСЕ» С НЕКУРЯЩЕЙ «ЗВЕЗДОЙ»

«Что значит «поговорить»? — вроде бы изумился в разговоре по телефону представитель «Волгоградконцерта» В. П. Серафимович, пригласивший в наш город Вячеслава Малежика. — Заключите с нами сначала договор...» Через два дня, разбудив певца в его номере «люкс» гостиницы «Волгоград», я объяснил ему, какой серьезный проступок совершаю, ввязываясь в беседу со «звездой», не спросив разрешения Серафимовича. «Так значит, наша беседа будет контрабандной, — слегка оживился просыпающийся Малежик, — ну-ну, давай...»

— Многие предпочитают работать на студиях и телевидении, а на концерты если и выбираются, то с кучей фонограмм. Что выбрали вы?

— Песен у меня записано, может быть, больше всех. Правда, мало занимаюсь «раскруткой», не хожу каждый день на ТВ, а работаю над исполнением. А выбор — петь «живую» или нет — дело каждого. Без фонограмм сегодня выступают единицы. Вот Катя Семенова...

Оттого вы и статичны, не танцуете на сцене, не крутите кульбиты?

Да я иногда и на стул сажусь. Сальто-мортале делать просто не умею. На самом деле играть на гитаре, петь и еще прыгать трудно.

— Вы исключили из репертуара интересные, «бардовские» песни, вроде «Летел мужик на дельтаплане». Что случилось?

— Автор этой и еще одной дурашливой песни погиб, как и его герой, упав из окна своей квартиры с 12-го этажа. Это случилось полтора года назад, и я не считаю себя вправе исполнять эти песни.

— Расставшись со своей группой «Саквояж», вы взяли «курс на романсы». Неужели больше не будете писать шлягеров?

— Эстрадный народ кинулся петь на иностранных языках. А как у вас с английским?

— Когда наши не очень талантливые поэты пишут еще и на английском, то это совсем не произведение искусства. Попытки, создав здесь пару «хитов» на английском, завоевать Запад обречены на провал. Я давал на английском интервью американскому ра-

дителю что он уже «свой». А как нам какими судьбами и как понравился прием?

— В Мурманске и у вас — первые гастроли в России после повышения цен. За Полярным кругом были аншлаги, а тут сборы не совсем хорошие. Но, поскольку я пою не для тинейджеров и не для тех, «кому за...», то публика собирается разношерстная

неуютно. А чтобы не попадать в конфликты в ресторанах, когда то выпить предлагают, то спеть, то я туда просто не хожу. В конце концов могу себе позволить заказать ужин в номер.

— Поклонницы не преследуют?

— Они спокойные, как и я сам и, в общем, мое творчество. Фан-клубы есть в Минске, Таганроге, Москве. Приезжали, встречались...

— А часто ли приходят друзья, вы не хотели бы устроить с ними что-то вроде теле-юбилеев, как у Лещенко или Антонова?

— Такое впечатление, что все они шли, чтобы их показали по ТВ. Я люблю, когда на мой день рождения друзья приходят без предупреждения. Последний раз было человек 25.

— Вы верующий?

— Долгий отдельный разговор... Я крещеный, но на богослужения не хожу. И не люблю, когда на сцене — профанация веры и Бога.

— Как относитесь к рубрике «Светская хроника» и возможности появления в ней своего имени?

— Как говорил Всеволод Бобров: «Чем больше о тебе пишут, тем лучше, главное, чтобы фамилию не переврали». И потом, какой мы «свет» и какие «господа»? Зовите меня просто Малежик. Можно Вячеслав Ефимович.

— Что увозите из Волгограда, кроме денег?

— У вас все дороже, чем в Москве, а контрабандисты ко мне тут не подходили (хотя на концерты вообще мафиози приходят, они свою принадлежность к преступному миру не скрывают).

— Вид у вас какой-то усталый...

— Серьезно? Не знаю, я просто в жизни немножко грустный человек.

Беседовал
Игорь ЕМЕЛЬЯНОВ.

— А что, разве романсы «Я вспомнил вас...» — не шлягер? Я стараюсь не засовывать себя в стилистические рамки, они мешают «большому художнику» (кавычки — по просьбе Вячеслава). Мне кажется, о стилях, направлениях в музыке люди говорят, чтобы легче сбиваться в стаи, но, меня в них не зовут. Правда, как то приглашала Лига популярной музыки. Немного обидно, что не звали в свои проекты рок-н-рольщики, я ведь начинал с рока в 60-х. Может, такое отношение оттого, что снимался в чисто «совковой» передаче «Шире круг»?

А на концертах мне важна атмосфера большого застоя. Этого я достигал даже во Дворцах спорта. Телевизионные же режиссеры из снятых живых концертов вырезают, как мне кажется, важные куски. Говорят, для сохранения темпа.

дио, но я не чувствую оттенков этого языка. И подобные песни получились бы дубовыми. Ведь язык песни — это своеобразный энергетический код.

— Вы недавно вернулись с гастролями из за рубежа. Там исполняли на русском?

— Я был в Америке у друзей, там сломал руку и месяц пролежал. Пел для американцев. А на гастролях в Израиле, разумеется, на русском. Вообще Израиль сейчас — вроде Сочи. Пугачева, Малинин, Задорнов. Потом Карцев, Юрский. После меня готовились прибыть Вайкуле, Добринин, Распутин. Но беспредел в менеджировании артистов царил такой же, как и у нас.

Там несколько ностальгический интерес к оставленному. Вот к эмигрировавшему в Израиль Максиму Леонидову, бывшему солисту «Секрета» внимания гораздо меньше,

и разновозрастная, здесь бабульки приходили, просили автограф. А вообще ведь сейчас — посевная, все спасаются от будущего голода на дачах. Я вот не сею...

— Но дача то есть?

— Под Москвой сейчас нет, а имеется в районе Гагре у родственников.

— На охоту не зовут?

— Не так давно на охоте случайно убили двух моих друзей. Отношение к такому «развлечению» соответствующее. Я вообще пацифист, при случае отмахнуться руками ногами смогу, а стрелять — нет. И пистолета никогда не было, и в Афганистане отказался ехать на полигон пострелять.

— Вы не опасаетесь за свою жизнь, не держите телохранителей?

— Когда ко мне подходят за автографами, а за спиной — «шкаф»-охранник, я сам чувствую себя как-то